

Alexander Palkin

Зарубежное влияние на повседневную жизнь уральских старообрядцев конца XVIII - начала XIX в.

Przegląd Wschodnioeuropejski 7/1, 57-65

2016

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ALEXANDER PALKIN
Ural Federal University

**ЗАРУБЕЖНОЕ ВЛИЯНИЕ
НА ПОВСЕДНЕВНУЮ ЖИЗНЬ УРАЛЬСКИХ
СТАРООБРЯДЦЕВ
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XIX В.¹**

**Foreign Influence in Everyday Life of Ural Old Believers
(Late 18th – Early 20th Centuries)**

Ключевые слова: рукописная традиция, старообрядчество, Урал, иностранные инновации, культурное влияние, быт, ограничения питания

KEYWORDS: manuscript tradition, Old Believers, Urals, foreign innovations, cultural transfer, everyday life, food restrictions.

ABSTRACT: The paper is devoted to analysis of the reflection of European innovations in the manuscripts of Old Believers and their everyday life in the late 18th and early 20th century. The main sources the paper is based on are manuscripts from the depository of the Laboratory of Studies in Archaeography of the Ural Federal University – the largest depository of old-printed books and manuscripts in Russia outside Moscow and Saint-Petersburg. In the course of manuscript analysis, it was found that there were main directions of the foreign influence criticism: food restrictions, tobacco, clothes, outward appearance, customs, etc. The Old Believers' relation to European innovations changed in time. It was determined by economical processes and processes of secularization. The Old Believers tried to substantiate acceptance of foreign innovations by writing essays in a traditional form. In addition, there were some differences between different social groups of the Old Believers. The Old Believers entrepreneurs accepted foreign innovations faster than other Old Believers.

Зарубежное (в первую очередь, европейское) влияние в России, в заметной степени усилившееся со времени петровских реформ, в той или иной мере затронуло практически все сферы жизни и слои населения Российской

¹ Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих учёных в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

империи. Не стали исключением и одни из главных противников европеизации страны – староверы. Стоит отметить, впрочем, что старообрядцы не представляли и не представляют единой общности. Взгляды представителей разных общин могут сильно различаться или быть диаметрально противоположными. Кроме того, необходимо учитывать разницу между частью старообрядческих элит² (прежде всего, торгово-промышленной верхушкой) и остальными староверами. Первые были вовлечены в процесс вестернизации значительно больше, чем последние. Ниже представлена попытка реконструировать традиционное старообрядческое отношение к бытовым инновациям, нормам и моделям, пришедшим в Россию из-за рубежа (прежде всего, из Европы), либо считавшимися таковыми. Вместе с тем рассмотрим, как взгляды на эти явления эволюционировали со временем. Основой для данной реконструкции послужили рукописи конца XVIII – начала XX вв., хранящиеся в Древлехранилище Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета (Россия, г. Екатеринбург). Данное собрание, в котором насчитывается почти 6 тысяч рукописей и старопечатных книг, собранных участниками археографических экспедиций в 1970–е – начале 2000–х гг. на территории от Вятки до Тобольска, представляется достаточно репрезентативным.

Еще с XVII в. в России был известен табак. При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче торговля им и его употребление жестоко карались. Интересно отметить, что память об этом сохранилась у уральских старообрядцев, цитировавших постановления первых Романовых в рукописи конца XIX в. (Сборник 1).

Табак считался дьявольским растением, о чем свидетельствовали легенды о его происхождении, одна из которых сохранилась в Шатровском собрании ЛАИ. Согласно этому произведению, табак вырос из трупа женщины, блудившей с 12 лет в течение 30 лет (она, кстати, тоже была рождена от блуда монахини) (Сборник 2). В этом сказании табаку приписывались свойства достаточно тяжелого наркотика: «и те [люди] будут растлени умом, и обалдеют, и обмирати будут, и трястися имут», «инии вертящиеся безчинно ходящу, во уме пьяны сущи», людей описывают как «бесящихся» (Сборник 2, 3, 4, боб.). Реконструируются также пути проникновения табака в Россию. Язычники («еллини поганы») распространили табак «в немцы, в турки, и в татары, и в черкасы [украинские казаки], и оттуду, увы, и нам, христианом...» (Сборник 2, 8).

² Старообрядческие элиты можно условно разделить на две группы: духовных лидеров (священники, иноки, наставники и т.д.) и зажиточных купцов, которые составляли экономическую основу, были административными лидерами старообрядческих общин. Обе группы могли играть роль интеллектуальных элит. Они разрабатывали старообрядческие доктрины, пути сосуществования с внешним миром, официальной церковью и государством.

В сочинениях староверов описываются разные способы употребления табака: курение («мнози на огонь того былия полагаючи, и дым его цевцами вдыхаху во уста»), нюхание («обонявающ ноздрями своими»), жевание («за щеку класти»), питье. За употребление табака полагалось проклятие «от святых апостол и от святых отец» (Сборник 3, 32об.; Сборник 4, 9). В начале XX в. для доказательства вреда табака с духовной и медицинской точки зрения стали использоваться и научные данные того времени, взятые из периодических изданий, однако распространявшиеся в традиционной для староверов форме рукописи, написанной полууставом (Сборник 5).

Враждебно относились старообрядцы и к картофелю, который называли также «земляные горох» (Сборник 6, 100об.), «трав...от него [Антихриста] зовомае картов, антихристова похоть; нарицают то овощем» (Сборник 7, 42). Наиболее известные и распространенные «антикартофельные» сочинения: выписки из «Книги Барония», представленные в Древлехранилище ЛАИ УрФУ под разными названиями: «Книга Барония. 263 глава» (Сборник 12, 37об.–38; Сборник 13, 33–34; Сборник 14, 101об.–102об.; Сборник 15, 42–42об.); «Барония глава 60-я» (Сборник 11, 1); «Книга Бороня. Глава 9. Лист 263» (Сборник 12, 169–169об.), где запрещается употребление картофеля; выписки из «Книги Пандок. Глава 28. Л. 68» (Сборник 8, 38об.–40об.; Сборник 9, 1–1об.; Сборник 10, 169об.–170 об.; Сборник 7, 34–35об.; Сборник 6, 100–101; Сборник 16, 42об.–43об.), где говорится о том, что картофель вырос из трупа дочери древнего царя Мамера, совершившей прелюбодеяние со псом. Легенда эта имела ряд вариаций, в которых, помимо прочего, различались места происхождения: Персия (Сборник 10, 170; Сборник 7, 34об.), Америка (Сборник 17, 1), либо место не указывалось. Еще одна вариация содержится в выписках из «Книги Пандок. Глава 45», где сообщается, что картофель вырос из трупа идолопоклонника, а местом его происхождения опять же указывается «восточная страна» (Сборник 18, 45–46).

Картофелю приписываются довольно странные свойства: «и всяк возлюбит сласть велию. Помраченные человецы умом, яко пьяные, глаголет бо о нем святыи Симеон Новый Богослов, яко скверно, яко от Рима начало имать, расплодишася повсуду и в том брашне человецы осквернятся, яко Древний Израель» (Сборник 16, 42–42об). Для усиления отвращения к картофелю его описывали следующим образом: «...то пошли былие [белые] жилы, а по жилам круглые яйца, и докопались до костей и вышло из тайных уд костей но и сплетеннии яйца» (Сборник 16, 43–43об.).

Такие сочинения, наряду с произведениями эсхатологического характера, играли значимую идеологическую роль в ходе крестьянских волнений, вызванных реформой государственной деревни, проводившейся под

руководством министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева в 1837–1841 гг. Следует отметить, что подобные воззрения не ограничивались только старообрядческой средой, но и активно бытовали среди крестьян – членов официальной церкви, особенно в районах со смешанным населением (Байдин 1979, 95–96).

Однако картофель в уральских условиях рискованного земледелия получал постепенное распространение как культура неприхотливая и дающая относительно высокий урожай. Появилась необходимость оправдывать его употребление. Во второй половине XIX – начале XX в. появляются произведения в защиту картофеля, сперва оформленные в стиле традиционной старообрядческой четвѣй литературы – «Пандекты игумена Антиоха, книга 3, глава 13, лист 148 на обороте. О внутреннем содержании монастырей, во всей Палестине, и порядках братии, и содержание пищи», где сообщалось, что палестинские монахи на скудных почвах возделывают эту культуру, хотя само слово «картофель» в источнике не упоминается, вместо него употребляются термины «яблоко земляное», «яблоко бобонное». Выписки из «Книги Кирилла Скифопольского. Книга 8 Глава 2. Лист 52» также защищают картофель, сообщая, что он был принесен на Афон преподобным Григорием игуменом монастыря Успения Пресвятой Богородицы на горе Синайской, здесь этот овощ называется «яблоко овощное» (Сборник 19, 59–63). Здесь факты, известные староверам по житию преподобного Григория Синаита (ок. 1275–1346 (?)) (Григорий Синаит) – посещения им Афона – должны были служить дополнительным подтверждением истинности этой версии, хотя в указанное время картофеля в Старом Свете еще не было.

В начале XX в. используется уже не легендарная, а относительно научная аргументация, взятая из светской периодики (журнал «Сельский вестник») и из старообрядческого журнала «Церковь» (издавался в 1908–1914 гг. представителями белокриницкого согласия), где рассказывалась история появления картофеля в Европе и России, а также доказывалась польза данного продукта, особенно как средства спасения от голода в неурожайные годы (Сборник 17, 2–5).

Не признавали староверы и прочие продукты, пришедшие в Россию из других стран: чай, кофе, какао (Сборник 20, 36; Сборник 11, 1). Наиболее распространенные произведения по этому поводу: выписки из «Книги Феодора Валсамона, глава 30» и «Книги Назаря, глава 20, лист 70», в которых написано:

Аще кто от православных христиан дерзнет пити табак, той от святых отец, да будет проклят [...] Аще кто от православных дерзнет пити чай, той отчаеся сам самого Господа Бога, да будет трикратно анафема; Аще кто от

православных дерзнет пити кофию, в том человеке будет ков лукавый, и не будет в нем благодати Божией, но впадет таковой десятикратно анафимую (Сборник 21, 47; Сборник 22, 102об).

В другом сочинении чаю дается следующая характеристика: «несытное лакомство, насытное питие от травы листвие, чай, идоложертво кропленное зминым жиром, ишедшее от ельлин [язычников], которые змию поклоняются вместо Бога, то есть Китай» (Слово инока Захария ко ученику своему Ефимию, 87об.).

Не жаловали старOVERы и самовары (по разным версиям, пришедшие в Россию с востока или завезенные Петром I из Европы), о чем повествуют выписки из «Книги Голубицы»:

Изыдет на брань с христианы медный апокалипсический змий, рекомый адская утроба и вси его возлюбят и предадутся ему крепко по конечному ума помрачения и той окаянный змий имать вокруг себя воду, а внутри огонь горящий, якоже в жупеле геенском будут из него мнози человецы ту воду сладце пити, пушая оную чрез мерский проход змия, рекомый крант и усладят воду оную треокаянно травою, ей же имя чай. И мнози прельстятся из христиан и владут себя во осквернение поганой травы и медному змию... (Сборник 23, 47–47об.).

Впрочем, суровые запреты соблюдались отнюдь не всегда, жизнь постепенно брала свое. Чай употребляли довольно часто представители разных слоев старообрядчества, о чем сетуют, например, герои-старOVERы романа Д. Н. Мамина-Сибиряка «Три конца», действие которого происходит в 60-е гг. XIX в. (персонажи имели реальные прототипы): «Тошнехонько и глядеть-то на них, на мирских [старообрядцев, не принявших монашество] <...> Везде свара и неистовство. Знай себе чай хлебают да табачище палят», пили чай и представители старообрядческого монашества (Мамин-Сибиряк 1958, 221–222).

В старообрядческой среде был также распространен миф о зарубежном происхождении не только «травы табацей (табаки)», но и «хмельного пития», и «злой матерной брани». Считалось, что «хмельное питие» появилось в Палестине «и разнесся то питие в Цьцарию [Цесарию, т.е. Священную Римскую империю, либо Австрийскую империю] и в Литву, и по всем царствам и странам, потом на кончину века сего и к нам прииде в Русскую землю на погибель душам христианским и на муку вечную». Страны, откуда появилась брань и табак не указываются (Слово от старчества 1, 4об.-8; Слово от старчества 2, 382–382об.; Сборник 24, 17–20об.; Сборник 25, 46об.–51об.).

Европейские обычаи, внешний вид и одежда

Строжайше запрещалось брадобритие: «Аще кто браду бреет и преставится, яко недостойт над ним служити, ни сорокоуствие по нем пети, ни просвиры, ни свещи по нем в церковь приносить» (Сборник 26, 43об.); «Аще кто браду бреет от своего самохотения а от непринуждения, той не имать видети лица Божия и осудится со диаволом, яко творящей волю его» (выписки из «Книги Барония. 14») (Сборник 26, 44об.).

Даже старообрядцы, склонные к компромиссу с официальной церковью и принявшие единоверие³, не соглашались допускать к себе на моления лиц, бреющих бороды и носящих «немецкое» платье (Палкин 2013, 81); подобные требования выдвигали и приуральские единоверцы Омутницкого завода Вятской губернии (О требовании единоверцами Омутницкого завода, 1–1об.), надо полагать, что мало общего с «бритоусами» желали иметь и уральские староверы.

Распространение европейских обычаев воспринималось старообрядцами как признак наступления последних времен. В выписках из «Книги Старчество. Слово 7, лист 283» инок Захарий ссылается на пророка Даниила, который якобы предрекал появление огнестрельного оружия и что воинство будет называться «странным именем сатаны – салдаты». Также Даниил «пророчествовал» о внешнем виде и обычаях:

и брады брити имуще аки львовы с усами, изо уст дым исходящъ смердящй и тем честь деюще. А одеяния имуще короткое обтягнуто и хвост имущо, на главах имут носить орла, о нем же писа пророк Ездра. Сверху конская опама [...] И примут обычай сланския проклятых немец. Мужие имут носить одеяние короткое, выше колону, и штаны натягнуты чрез рамена⁴, не могуще им колону поклонение творити; жены же многия от Христиан не будут срамятися, будут бо иметь образ бесовский, и главы непокровены имуще, и уподобятся бесом, лица будут мазати вапами⁵; и одеяние будут носить необычное, блудническое, с перетяшками, и возлюбят конское ристание, и бесовския игры и плясания, и песни сатанинския» (Сборник 27, 85–87).

Подобное отношение к европейским заимствованиям было распространено практически среди всех слоев старообрядческого населения, однако в XIX в. произошли культурные изменения, коснувшиеся, прежде всего, торгово-промышленной верхушки.

³ Единоверие – форма присоединения старообрядцев к официальной церкви, при которой они сохраняли богослужение по старым книгам и обрядам, но подчинялись епархиальному началству господствующей церкви. Подробнее о единоверии см.: Палкин 2013; White 2014.

⁴ Рамена – плечи (Даль 1955b, 57).

⁵ Вапа – всякое красильное вещество (Даль 1955a, 164). Здесь, очевидно, имеется ввиду пудра.

Купцы-старообрядцы и европейское в повседневности

Уральское старообрядческое купечество, в большинстве своем, принадлежавшее к беглопоповскому согласию, а с 1830-х – 1840-х гг. к часовенному, и частью принявшее единоверие, на протяжении XIX в. претерпевало культурную эволюцию. Ее важной чертой было нарастание европейского влияния в повседневной жизни. Это было связано с рядом факторов:

Во-первых, с дерадикализацией старообрядческих торгово-промышленных элит, начавшейся еще в XVIII в. и имевшей экономические корни. Купцам было что терять, и умирать «за аз единый» они уже не желали.

Во-вторых, с более широким кругом общения купцов (по сравнению с большинством крестьян и мастеровых). В этот круг общения входили и европеизированные элиты: купцы и чиновники.

В-третьих, купцы имели более свободный доступ непосредственно к европейским бытовым и культурным новшествам, что позволяло их оценивать более объективно и в меньшей степени мифологизировать.

В-четвертых, определенную роль в этом процессе играл и переход в единоверие значительной части старообрядческой верхушки. Единоверие, хотя и принимало на Урале зачастую достаточно специфические формы, тем не менее способствовало дальнейшей вестернизации старообрядческих (впоследствии и единоверческих) элит.

Купцы-старообрядцы XIX в. строили каменные особняки в европейском стиле, что было обусловлено не только стремлением к роскоши, но и потребностью надежно вложить капиталы – нередко дома служили обеспечением торговых операций. Естественно, такие дома обставлялись также по-европейски, в них стали появляться портреты, в т. ч. и владельцев.

Постепенно изменялось отношение старообрядческих элит к светскому образованию и наукам. Здесь показателен пример екатеринбургской семьи купцов Казанцевых. Представитель первого в XIX в. поколения Фома Федотович (ок. 1786–1832) был настоящим «столпом» старообрядчества. Его сын Гаврила Фомич (1806–1874) обучался традиционно для старообрядцев – по Часовнику и Псалтыри, однако в последствии занимался самообразованием, читал много светской литературы, его находили интересным собеседником даже столичные интеллектуалы. Он принял единоверие в 1846 г., однако продолжал оставаться и носителем «древле-православной» культуры (Палкин 2012). Его сын Гаврила Гаврилович, получил уже светское образование, занимался наукой, был ассистентом Д. И. Менделеева (Микитюк 2008).

Примерно с середины XIX в. старообрядческие и единоверческие купцы перенимают европейский внешний вид: одеваются, как европейцы,

начинают подстригать бороды, а в ряде случаев и бриться. Излюбленным развлечением екатеринбургских купцов-старообрядцев и единоверцев с середины XIX в. становится театр, а позднее – кинематограф.

Однако вестернизация старообрядческих элит не означала ни полной утраты ими старообрядческой идентичности (изменение традиции со временем – процесс достаточно закономерный), ни тем более значительного усиления западного влияния на остальных староверов, которые сумели пронести свой жизненный уклад до сего дня.

Библиография

- White, J. (2014), *A Bridge to the Schism: Edinoverie, Russian Orthodoxy and the Ritual Formation of Confessions, 1800–1918*. PhD thesis. Firenze.
- Байдин, В. И. (1979), Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40-е гг. XIX в. В: Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 90–97.
- Григорий Синаит (2015), Григорий Синаит. В: Православная энциклопедия. URL: <http://www.pravenc.ru/text/168073.html> (дата обращения 10.09.2015).
- Даль, В. И. (1955a) Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, т. 1: А-З.
- Даль, В. И. (1955b) Толковый словарь живого великорусского языка. Москва, т. 4: Р-В.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. (1958) Три конца. Уральская летопись В: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собрание сочинений в десяти томах. Москва, т. 7, 7–350.
- Микитюк, В. П. (2008) Казанцев Гавриил Гаврилович В: Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. 2-е изд., дополненное. Екатеринбург, 138–141.
- О требовании единоверцами Омутницкого завода, чтобы не были допускаемы до общего моления с ними лица, знаменующиеся тремя перстами В: Государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 12а. 1007.
- Палкин, А. С. (2012) Купец-единовец Г. Ф. Казанцев: между верой и государством В: Материалы конференции «Историческая динамика российских нравов: консерватизм vs модернизация». Екатеринбург, 46–52.
- Палкин, А. С. (2013) Единоверие в середине XVIII – начале XX вв.: общероссийский контекст и региональная специфика. Дис... канд. ист. наук. Екатеринбург.
- Сборник 1 В: ЛАИ УрФУ. XXVI. 10р/ 5367.
- Сборник 2 В: ЛАИ УрФУ. XV. 160р/ 938.
- Сборник 3 В: ЛАИ УрФУ. XII. 45р/ 1370. Л. 32–33.
- Сборник 4 В: ЛАИ УрФУ. XV. 193р/ 1258. Л. 9–9об.
- Сборник 5 В: ЛАИ УрФУ. VII. 77р/ 228.
- Сборник 6 В: ЛАИ УрФУ. XIV. 63р/ 685. Л. 100–101.
- Сборник 7 В: ЛАИ УрФУ. XII. 45р/ 1370. Л. 34–35об.
- Сборник 8 В: ЛАИ УрФУ. V. 27р/ 646. Л. 38об.–40об.
- Сборник 9 В: ЛАИ УрФУ. VIII. 21р/ 848. Л. 1–1об.
- Сборник 10 В: ЛАИ УрФУ. X. 1р/18. Л. 169об.–170 об.
- Сборник 11 В: ЛАИ УрФУ. VIII. 21р/ 848. Л. 1.
- Сборник 12 В: ЛАИ УрФУ. V. 27р/ 646. Л. 37об.–38.
- Сборник 12 В: ЛАИ УрФУ. X. 1р/18. Л. 169–169об.
- Сборник 13 В: ЛАИ УрФУ. XII. 45р/ 1370. Л. 33–34.
- Сборник 14 В: ЛАИ УрФУ. XIV. 63р/ 685. Л. 101об.–102об.

- Сборник 15 В: ЛАИ УрФУ. XV. 98р/ 876. Л. 42–42об.
Сборник 16 В: ЛАИ УрФУ. XV. 98р/ 876. Л. 42–43об.
Сборник 17 В: ЛАИ УрФУ. VIII. 21р/ 848. Л. 1–10об.
Сборник 18 В: ЛАИ УрФУ. X. 34р/ 1691. Л. 45–46.
Сборник 19 В: ЛАИ УрФУ. VII. 145р/ 1310. Л. 59–63.
Сборник 20 В: ЛАИ УрФУ. V. 27р/ 646.
Сборник 21 В: ЛАИ УрФУ. IX. 153р/ 1899. Л. 47–47об.
Сборник 22 В: ЛАИ УрФУ. XV. 90р/ 868. Л. 102об.
Сборник 23 В: ЛАИ УрФУ. IX. 153р/ 1899. Л. 47–47об.
Сборник 24 В: ЛАИ УрФУ. X. 34р/ 1691. Л. 17–20об.
Сборник 25 В: ЛАИ УрФУ. XV. 90р/ 868. Л. 46об.–51об.
Сборник 26 В: ЛАИ УрФУ. XV. 98р/876. Л. 43 об., 44об.
Сборник 27 В: ЛАИ УрФУ. X. 34р/ 1691. Л. 85–87.
Слово инока Захария ко ученику своему Ефимию В: ЛАИ УрФУ. X. 34р/ 1691. Л. 85–89.
Слово от старчества 1. Слово от старчества о сотворении злаго душепагубнаго хмельнаго пития В: ЛАИ УрФУ. X. 1р/18. Л. 4об.–8.
Слово от старчества 2. Слово от старчества о сотворении злаго душепагубнаго хмельнаго пития В: ЛАИ УрФУ XIV. 63р/ 685. Л. 382–385об.